

Op. 84
D-15

Владимир Иванович Даль

ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ПИСАТЕЛЯ

СЕРЕНЬКАЯ

I

ЦЕХОВОЙ С ТОВАРИЩЕМ

Запоздалые огоньки мерцают в тусклых, маленьких окошечках села; кое-где, при лучине засиживает рабочая пряжа за мылкой; в одной избе тоскливая мать сидит над умирающим ребенком, в другой — блеклый полусвет едва пробивается на улицу в мутное оконце, и лампадка теплится перед иконой, накануне дня ангела хозяина.

В плохой, ветхой избенке ставни притворены и кое-как приперты, а в щели виден свет. На столе нагорелая сальная свеча, которая как-то не подходит к голым стенам и пустодомству, а будто занесена со стороны. Распустив локти и положив на них взъерошенную голову, оборванный мужик храпит, а на печи слышен удушливый кашель старухи. Дверь тихо, осторожно отворяется, и входит низенький, острорылый цеховой, похожий на вороватую крысу, с ношей в мешке под мышкой. Он ремесла, кроме воровства, никакого не знает, а побыл в работниках у какого-то печатника, в городе, в цеховые же попал потому только, что неволят куда-нибудь приписываться, так жить нельзя. Он растолкал спящего, заперши наперед двери за собою на крючок, и они стали перешептываться, покашиваясь на печь.

чем она не хороша? Бумажка, как и всякая другая, и покойница, конечно, приняла ее в полной цене, чему я не виновата. И не долго думав, она решила не только, что именно эту бумажку и должно послать двоюродной тетке Марьи Ивановны, по завещанию, но даже, что этого с нее будет, и что 50 рублей сумма весьма приличная. И бумажка даже не моя, подумала она еще, оправдываясь глаз на глаз сама перед собою, а истинное наследство, по завещанию; своих денег я ей посылать не обязана.

Договаривать ли еще, что пошевелилось в душе этой стотысячной наследницы, томившейся над мыслью, что придется послать тысячу рублей, решившей после долгой борьбы, что и ста рублей, для успокоения совести, будет достаточно, убавившей и эту приличную сумму наполовину, и наконец, заменившей и половину подложными и негодными деньгами? А вот что: отсылая, наконец, эти названные 50 рублей, ни ей самой, ни другому непригодные, она, однако же, и об них пожалела! Ну, быть так, подумала она, все-таки две беды сбыла разом: и с завещанием развязалась, и худые деньги сбыла — на совести полегчает!

V

ДОМИК НА ВОДЯНОЙ УЛИЦЕ

В опрятном, новом городке Елизаветинских времен, перенесенном трижды с места на место, в переулке Водяной улицы стоял сильно развалившийся домишко; половина крыши упала на подволоку, долгое время торчали со стены подгнившие стропила и, наконец, пошли на дрова; труба торчит высоко, и будто другая половина крыши об нее уперлась и ею держится; домик сильно перекосило, он одним углом ушел в землю; наружных дверей или затвора при них не было вовсе, а за место крыльца подставлен был под порог старый ящик; огорожки, забора никаких, один заглохший пустырь, а два столба служили представителями ворот. Но когда проходящий с удивлением взглядывал на окна, не чая, чтобы хижина эта могла быть

ли, умевшие безобидно наделять нищую, которая никогда и ни у кого не просила. Выедет бывало, помещик на поля свои, поглядит на золотую пшеницу, коей колосья грузно колышались ветром — весело глядеть ему на это золотое море, тепло и радостно станет на душе. «Господи, — скажет он, перекрестясь, — двадцатую долю урожая отдаю на неимущую братью!» Позднюю осенью потянулись обозы с хлебом в город; смотришь, один воз отделился на Водяную улицу, заворачивает в переулок, и прямо на разгороженный двор, при записочке: не побрезгать домашним гостинцем от старой приятельницы; тут шлют и другие разные припасы, что могут сохраниться на зиму; а другой добрый человек, простой, необоротливый хозяин, которого имя и поныне носит подгородная роща, шлет запасец дров, и еще сам забежит украдкою на открытый двор, взглянуть, есть ли, полно, еще у Анны Ивановны топливо, и не растаскали ль его соседние татарчата. Затем, были у нее еще и козы, кои, не по местному обычаю, шатались зиму и лето по городу и слободке, не требовали корму, а на ночь приходили домой; они кормили хозяйку молоком и приносили ей свой пух, из которого старушка прилежно вязала ценные платки и косынки.

Но и в эту пору нужды и горя Анна Ивановна, по большим праздникам, являлась чинно и степенно в устроенную отцом ее и украшенную прикладами матери ее церковь; благовест раздался, она встала, за третьим ударом перекрестилась, вышла, осторожно ступала с порога на ящик, чтоб он не покачнулся под ногами, а с него наземь — и вот она пошла мерным шагом, в голубом объяринном платье своей матери, которому уже за полвека, в коричневой, мелкотравчатой епанечке, с высоким и широким черепаховым гребнем, под белым шелковым флером, завязанным под бороду; все с уважением смотрят за нею вслед; она чинно раскланивается со знакомыми, степенно принимает приглашение на чай и, продолжая путь свой, набожно входит в церковь, где становится на колени перед матернею большою иконой и уже более не слышит и не видит ничего, до самого конца службы.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66